

УДК 800

ХУДОЖЕСТВЕННО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО ДИСКУРСА

© 2011 Ю.В. Погребняк

Волгоградский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию Октября 2010 г.

Аннотация: В предлагаемой статье рассматриваются художественно-композиционные формы интериоризованного дискурса, который в нашем понимании представляет собой модель внутренней речи героя художественного произведения, создаваемую автором данного произведения. Приводятся примеры реализации форм интериоризованного дискурса.

Ключевые слова: интериоризованный дискурс, внутренняя речь, внутренний монолог, несобственно-прямая речь, условно интериоризованная речь, персонаж.

Abstract: In the given article artistic – compositional forms of interior discourse are considered. Interior discourse in our way of understanding it presents a model of inner speech of a character in a piece of fiction, created by the author of this work. The examples of realization forms of interior discourse are given.

Key words: interior discourse, inner speech, inner monologue, represented speech, relatively interior speech, character.

Объектом нашего изучения является интериоризованный дискурс, который мы рассматриваем как отражение внутренней речи персонажа в тексте художественного произведения.

Интериоризованный дискурс в нашем понимании представляет собой некое внутреннее проговаривание каких-либо мыслей человеком, некую внутреннюю речь, которая получила свою экстериоризацию, своё вербальное оформление в определённом тексте. Объектом нашего рассмотрения является интериоризованный дискурс в текстах художественных произведений, так как именно художественный текст даёт обширный материал такого рода.

Ю.Н. Караулов, анализируя художественный образ Григория Шохова в романе А. Приставкина «Городок», выделяет следующие разновидности интериоризованного дискурса этого персонажа – внутренний монолог, внутренний диалог, переключённая несобственно-прямая речь и условно интериоризованная речь [1, 71-77]. На наш взгляд, такая классификация разновидностей интериори-

зованного дискурса может рассматриваться как базовая, так как она применима к любому типу интериоризованного дискурса.

Мы считаем правомерным выделение следующих художественно-композиционных форм интериоризованного дискурса:

I. Прямая речь (внутренний монолог, внутренний диалог, либо реплика).

Например, в следующем отрывке главная героиня романа задумывается о том, что такое счастье и как его найти в жизни, произнося небольшой внутренний монолог.

«День, ночь и утро, просыпаешься, а ощущения счастья нет, – вздохнула Наташа Тупицина, правя роман. – Просто нет ощущения счастья. Сладкий сон и суровая реальность так далеки друг от друга! – отвечала она себе, прислушиваясь к крепкому храпу супруга из приоткрытой спальни. – Пожалуй, радует лишь забавное каре с косичкой, которое изобрёл для меня стилист Тодчук» [2, 235].

Преимущественная форма интериоризованного дискурса – монологическая. Однако интериоризованная речь не исключает диалогичности.

© Погребняк Ю.В., 2011

Интерриоризованная речь близка к диалогу в том плане, что она в большинстве случаев не имеет «замысла», она ситуативна и непонятна без знания ситуации. Как правило, эта речь реактивна, строится по схеме «стимул-реакция». Интерриоризованная речь представляется как реакция субъекта на внешний раздражитель, так же, как и диалог, где реплика одного собеседника вызывает реакцию другого [3, 168].

Интерриоризованная речь близка к разговорной (диалогической) речи в том, что она стремится к бессознательному, роль автоматизма и бессознательных процессов в ней велика.

Например, в следующем отрывке описано, как герой произведения Вавилена Татарский погружается в состояние наркотического опьянения (при этом меняется система координат) и ведёт диалог с воображаемым собеседником — мифическим сирруфом, что со стороны выглядит как беседа с собой.

Татарский заметил мерцание в полутьме комнаты. Он решил, что это отблеск какого-то огня на улице, встал и выглянул в окно. Там ничего интересного не происходило. Он увидел отражение своего дивана в стекле и поразился — обрыдлое лежбище, которое ему столько раз хотелось вынести на помойку и сжечь, в зеркальном развороте показалось лучшей частью незнакомого и удивительно красивого интерьера. Вернувшись на место, он опять краем глаза заметил мерцающий свет. Он перевёл взгляд, но свет сдвинулся тоже, как будто его источником была точка на роговице. «Так, — радостно подумал Татарский, — пошли глюки». <...>.

Татарский пришёл в себя — он сидел на диване, держа пальцами страницу, которую так и не успел перевернуть...

— Господи, — пробормотал он, — как всё-таки трудно протащить сюда хоть что-то...

— Вот именно, — сказал тихий голосок. — Откровение любой глубины и ширины неизбежно упрётся в слова. А слова неизбежно упрутся в себя.

Голос показался Татарскому знакомым.

— Кто здесь? — спросил он, оглядывая комнату.

— Сирруф прибыл, — ответил голос.

— Это что, имя?

— This game has no name, — ответил голос. — Скорее, это должность.

Теперь знакомая обстановка показалась декорацией к какому-то грозному событию, которое должно было вот-вот произойти, а диван стал очень похож на жертвенный алтарь для крупных животных.

«Зачем надо было эту дрянь есть?» — подумал он с тоской.

— Совершенно незачем, — сказал сирруф, опять появляясь в неизвестном измерении его со-

знания. — Вообще никаких наркотиков человеку принимать не стоит. А особенно психоделиков.

— Да я и сам понимаю, — ответил Татарский тихо. — Теперь.

— У человека есть мир, в котором он живёт, — назидательно сказал сирруф. — Человек является человеком потому, что ничего, кроме этого мира, не видит. А когда ты принимаешь сверхдозу ЛСД или объедаешься пантерными мухоморами, что вообще полное безобразие, ты совершаешь очень рискованный поступок. Ты выходишь из человеческого мира, и, если бы ты понимал, сколько невидимых глаз смотрит на тебя в этот момент, ты бы никогда этого не делал. <...> Этим действием ты заявляешь, что тебе мало быть человеком и ты хочешь быть кем-то другим... [4, 57-59].

В приведённом отрывке наблюдается сосуществование, взаимоналожение и взаимопретекание различных пространственно-временных координат.

Обычная городская квартира со старым диваном (одна система координат) одновременно представляется герою частью незнакомого и необыкновенно красивого интерьера (вторая система координат); источник мерцающего света (третья система координат), который постепенно развернулся в четвёртую систему координат — панораму летнего города с башней, на которой горел ослепительно белый факел. Далее Татарскому представляется, что огонь является солнцем (пятая система координат), которое резко меняет положение сверху на положение снизу. Сначала ему кажется, что солнце отражается в луже, а потом — что реальный мир отражается в солнце, то есть происходит резкая смена пространственных координат. Затем появляется опять городская квартира, однако в ней присутствует мифический персонаж — сирруф, что также нарушает исходную систему координат, и потом квартира превращается в декорацию к такому событию, как жертвоприношение, а диван — в жертвенный алтарь (шестая система координат).

Нарушение представленности категорий сознания в интерриоризованном дискурсе также указывает на прорыв сознания в область бессознательного, где таковые категории отсутствуют вообще.

II. Несобственно-прямая речь представляет собой внутреннюю речь персонажа, представленную автором произведения с сохранением особенностей речи, манеры персонажа.

В приведённом ниже примере слова автора произведения «У Галеева жизнь была расписана наперёд лет на двадцать. Те, кто знал Рената поближе, ведали о его далеко идущих планах» предворяют интерриоризованный дискурс, представленный в виде несобственно-прямой речи

персонажа – известного футбольного игрока Рената Галеева.

У Галеева жизнь была расписана наперёд лет на двадцать. Те, кто знал Рената поближе, ведали о его далеко идущих планах. Нынешний сезон он собирался, так и быть, доиграть в своём провинциальном российском «Ястребе». На следующий – он надеялся – его купит какой-нибудь не самый крутой итальянский или испанский клуб. В нем он отыграет пару сезонов, а потом его продадут великой «Барсе». Или «Интеру». Или «Реалу». Вратари играют лет до тридцати пяти, и когда придёт пора вешать бутсы на гвоздик, Ренат надеялся сколотить себе изрядное состояние. Ну и тогда он обзаведётся покорной красавицей-жёнущкой, что нарожает ему кучу детишек и будет готовить плов и манты на собственной вилле где-нибудь на Лазурном берегу [5, 23].

III. Условно интериоризованная речь представляет собой переданные автором произведения внутренние мысли, которые могут даже не находить вербального выражения во внутренней речи персонажа. Условно интериоризованная речь, как правило, сопряжена с глубокой степенью интериоризации дискурса и имеет в своей структуре мощную образную составляющую.

В приведённом ниже отрывке, который представляет собой пример условно интериоризованного дискурса, главный герой романа Геннадий Павлович, очень переживая по поводу своего одиночества, мысленно представляет перспективу: жизнь с женщиной, как он считает, более низкого социального статуса.

Он провидел жизнь с некоей Зиной, которая была, скажем, официанткой в кафе и которая выдумывала бы и рассказывала своим подружкам в белых кокошниках, как вчера вечером они

с Генкой ссорились, а затем еле помирились. Зина с фантазией, что поделать! А подружкам в кокошниках её рассказы нравились. И поскольку отношения с Геннадием Павловичем были ровные и самые понятные, Зина сильно бы их усложняла, выдумывая какие-то сцены, ссоры, будто бы пьяные похождения Геннадия Павловича, особенно же как он, сильно перебравший, явился домой и как она его укладывала спать, жалела и обстирывала. <...>. Он подобрал этот осколок своих былых мыслей – рой – и теперь за него держался. В сущности, он терял себя; он завершался как личность, вероятно, считая, что рой – вершина его размышлений [6, 100-101].

Рассмотренные выше художественно-композиционные формы интериоризованного дискурса отличаются в первую очередь глубиной интериоризации дискурса, а также тематикой и специфическими функциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
2. Борминская С. Вы просили нескромной судьбы? Или Русский фатум / С. Борминская. – М. : Эксмо, 2008. – 320 с.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
4. Пелевин В.О. Generation «П»: Роман / В.О. Пелевин. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 336 с.
5. Литвиновы А. и С. Трансфер на небо / А. и С. Литвиновы. – М. : Эксмо, 2008. – 288 с.
6. Маканин В.С. Один и одна / В.С. Маканин. – М. : Современник, 1988. – 317 с.

*Погребняк Ю.В.
Волгоградский государственный педагогический университет, доцент кафедры русского языка как иностранного,
puyta@yandex.ru*

*Pogrebnyak Y. V.
Volgograd state pedagogical university,
assistant professor of the department of the Russian language as foreign*